

Елена Арсеньева

Жемчужина страсти (Маргарита Наваррская, Франция)

Часть сборника
*Преступления страсти. Месть
за любовь (сборник)*

Преступления страсти. Месть за любовь

Елена Арсеньева

**Жемчужина страсти (Маргарита
Наваррская, Франция)**

«Автор»

Арсеньева Е. А.

Жемчужина страсти (Маргарита Наваррская, Франция) /
Е. А. Арсеньева — «Автор», — (Преступления страсти. Месть за
любовь)

«Ее имя значит по-гречески – жемчужина. Но цветок маргаритка, тезкой которого она была, французы используют так же, как мы – ромашку. На нем гадают о любви, отрывая лепесточки и приговаривая: «Немножко, очень, страстно, безумно...» Все эти слова вполне применимы к героине нашей любовной истории. Немножко, очень, страстно, безумно... Королева Марго была преданной – каких мало! – служительницей Афродиты или Венеры, воскурившей ей фимиам преданно и верно. Однако Афродита (как и Венера!) умеет отомстить тем из своих жриц, которые...»

© Арсеньева Е. А.

© Автор

Елена Арсеньева

Жемчужина страсти

(Маргарита Наваррская, Франция)

Ее имя значит по-гречески – жемчужина. Но цветок маргаритка, тезкой которого она была, французы используют так же, как мы – ромашку. На нем гадают о любви, отрывая лепесточки и приговаривая: «Немножко, очень, страстно, безумно...»

Все эти слова вполне применимы к героине нашей любовной истории. Немножко, очень, страстно, безумно... Королева Марго была преданной – каких мало! – служительницей Афродиты или Венеры, воскурившей ей фимиам преданно и верно. Однако Афродита (как и Венера!) умеет отомстить тем из своих жриц, которые...

Но об этом – ниже!

Марго было не более одиннадцати, когда, казалось, какой-то нестерпимый огонь начал сжигать ее изнутри. Она так посматривала на лиц противоположного пола – на мальчиков и на взрослых мужчин, – что окружающие не могли не забеспокоиться. Историк Брантом уверяет, будто «Екатерина Медичи, видя, что у дочери слишком горячая кровь, принялась давать ей с любой едой сок барбариса, который во Франции зовется кислицей». Но, видимо, средство годилось для всех, кроме Марго, а на нее оно никак не подействовало: спустя самое малое время у нее появились два любовника – Антраг и Шарен. История умалчивает, кто оказался первым, известно лишь, что уже на заре своего истового служения Венере Марго показала столько усердия, что довела Антрага до преждевременной кончины. Да-да, юноша просто не выдержал буйного темперамента принцессы! Тогда она соблазнила придворного по имени Мартиг, сделав его третьим в своем списке. Она была еще ребенком внешне, однако, если ей приходило в голову завлечь мужчину, она устремляла на него столь пылкий взор, что разум в голове человека просто таял, оставалось одно лишь неистовое желание: как можно скорей схватить принцессу в охапку и свалиться с ней на ближайшее ложе. К слову сказать, кое-какие внешние приличия соблюдать Марго все же приходилось, поэтому иногда нельзя было искать самое ложе... тогда она отдавалась стоя, что научилась делать весьма ловко. Кто-то из женщин сочтет позу не слишком удобной, но Марго находила в ней массу удовольствия. А впрочем, в том-то и состоял ее счастливый дар, что она находила массу удовольствия во всех позах без исключения!

Если кому-то взбредет в голову упрекать юную Марго в развращенности, пусть он вспомнит, в какой среде произрастала сия маргаритка. Отец ее, король Генрих II, мог, конечно, служить примером высокой нравственности – но лишь в том смысле, что всю жизнь любил и обожал одну женщину... к несчастью, не жену свою и мать Марго, королеву Екатерину Медичи, а прекрасную Диану де Пуатье. Матушка Марго тоже не пренебрегала адюльтером. Правда, с ее интимными историями не было связано таких легенд, как с романом короля, зато Екатерина умудрилась сделать разврат средством государственной политики, создав из первостатейных шлюх-красавиц так называемый Летучий эскадрон, обросший в веках легендарной славой (девицам ее Летучего эскадрона предписывалось без разговоров следовать самым первобытным инстинктам мужчин, да и своим собственным...). Поэтому и Марго находила вполне естественным следовать своим инстинктам и забираться в постель к молодым людям, которые ей нравились.

Любовь, плотская любовь для Марго была вовсе не грехом, а удовольствием и счастьем, и она отдавалась зову плоти радостно, не ведая стеснения. Слишком рано отведав запретный плод, она то, что было связано с постелью, воспринимала просто, все было позволительным, и в самых, казалось бы, необычных галантных ситуациях она не испытывала никакого смущения.

Вот так просто и естественно в пятнадцать лет она и стала любовницей трех своих братьев: Карла, Генриха и Франсуа.

Звучит ужасно, но это исторический факт, подтвержденный, к примеру, таким беспристрастным бытописателем, как Агриппа д'Обинье. Впрочем, подтверждение имеется и самой Маргариты, выразившей в своих мемуарах недовольство средним братом после того, как он стал королем Генрихом III: «Он жалуется, что я провожу время в занятиях любовью, вот это да! Он что, забыл, что первым уложил меня?»

Между прочим, Клеопатра тоже грешила со своим братом Птолемеем, да и Цезарь не обходил вниманием сестру свою... А если вспомнить примеры из любовного опыта многочисленных жителей Олимпа – богов-кровосмесителей или, скажем, божеств Севера..

Марго считала себя если и не вполне богиней, то уж полубогиней-то во всяком случае, а потому позволяла себе не стесняться.

Когда ей исполнилось восемнадцать, красота ее стала просто-таки сводить мужчин с ума. Они были готовы на все, чтобы заполучить в свои объятия эту брюнетку с глазами цвета черного янтаря. Ее глаза способны были одним своим взглядом воспламенить все вокруг! Кожа ее была такой молочной белизны, что Марго из желания похвастаться, да и забавы ради, принимала своих любовников в постели, застеленной черным муслином, но она и днем виртуозно умела подчеркнуть свою ошеломляющую внешность.

«Ее красиво-причудливые одеяния, ее украшения, – пишет Брантом, – приводили к тому, что все вокруг в нее влюблялись, и ни одно платье не осмеливалось скрыть ее великолепную грудь из опасения обеднить то прекрасное зрелище, которое открылось миру; потому что никогда еще человеческому взору не приходилось созерцать ничего красивее, белее, полнее и телеснее того, чем обладала Маргарита. Большинство придворных буквально обмирали при виде такого богатства, в том числе и дамы из самого близкого ее окружения, коим разрешалось поцеловать ее от избытка восхищения».

Следует сказать, что Марго была чувствительная девушка и любила декорировать чувственность – чувствами.

Например, она была безумно влюблена в своего кузена герцога Генри де Гиза. Ему исполнилось двадцать, он был высок, статен и славился красивым лицом, обрамленным роскошными белокурыми волосами. Спустя некоторое время красоту его несколько подпортит шрам, полученный от шпаги наемного убийцы, но пока Генрих был воистину ослепителен. И ему удалось ослепить Марго. Они очень подходили друг другу по темпераменту и полному отсутствию какой бы то ни было стыдливости. По словам историка, они отдавались любовным играм там, где их настигало желание, будь то в комнате, в саду или на лестнице. Однажды их застали даже в одном из луврских коридоров, где они занимались, так сказать, вселенским грехом...

Король Карл IX, старший брат Марго, ничего не знал об их романе, пока его приближенный дю Гаст, известный, кстати, своей просто-таки патологической склонностью к доносительству, не подал ему однажды письмо. То было любовное послание Маргариты герцогу де Гизу, и оно не оставляло ни малейшего сомнения относительно характера отношений между корреспондентами.

Король ненавидел де Гиза за ум и широкую образованность, а еще больше – за неотражимую внешность. В припадке невероятной ревности он помчался к Екатерине Медичи.

– Читайте, – сказал он.

Королева-мать сама была интриганка и во всем видела интриги. Другая женщина разобрала бы распутницу-дочь, а она воскликнула:

– Это преступное оскорбление Вашего величества! Де Гиз хочет хитростью и обманом пробраться в королевскую семью!

Послали за Маргаритой, и не успела та войти в комнату, как король и мать набросились на нее. Ее били ногами и кулаками, называя «кошелкой, мешком для пожитков, чистильщи-

цей трубок»... Когда Марго вырвалась из их рук, у нее был разбит нос, распухло лицо, растрепанные волосы торчали во все стороны, а одежда была изодрана в клочья. Екатерина, всегда чувствительная к внешним приличиям, схватилась за компрессы и приказала принести теплой воды. Мало того, она еще целый час сама зашивала порванное платье дочери.

Но если высокородная матушка отвела душу и утомилась, то Карлу IX показалось мало. Он поручил своему сводному брату, бастарду герцогу Ангулемскому, убить герцога де Гиза во время охоты.

Но Марго прослышала про его план, предупредила любовника, и тот остался дома. Несколько недель спустя, желая создать впечатление, что с их связью покончено, Марго убедил герцога жениться на Екатерине Клевской, вдове принца Поркена, давней любовнице де Гиза.

Убедившись, что одна сторона нейтрализована, королева-мать принялась искать мужа не в меру распутной дочери. По ее мнению, принц Наварры, Генрих Бурбон, подходил во всех отношениях... Правда, он был протестант, такими же протестантами были и родители его, Антуан и Жанна Наваррские. Екатерина взялась за дело весьма ретиво. С помощью одной из красавиц Летучего эскадрона был нейтрализован Антуан Наваррский, а Жанну д'Эльбре Екатерина пригласила в Париж, где потихоньку отравила ее, чтобы та не восстанавливала Генриха против католиков вообще и Маргариты в частности.

Кстати, хоть Жанна и испытывала ненависть к католикам, Марго ей, скорее, понравилась. Королева Наваррская писала сыну: «Она красива, рассудительна, любезна, но выросла в гнусной, испорченной среде, где я не увидела ни одного человека, от кого не исходил бы дух развращенности. Я бы не хотела ни за что на свете, чтобы вы приехали сюда и здесь остались. Вот почему я желаю вас женить, с тем чтобы потом вы и ваша жена уехали из этого растленного места. Если до сих пор я думала, что развращенность двора велика, то теперь я увидела, что она безмерна. Здесь не мужчины берут женщин, а женщины – мужчин. Если бы вы здесь оказались, вам бы не удалось от этого ускользнуть, разве что вас спасла бы величайшая милость Божья».

В конце концов 18 августа 1572 года у портика собора Парижской Богоматери произошло странное бракосочетание. Станным оно было потому, что духовенство, желая удовлетворить всех, отслужило торжественную мессу, но так, что она не соответствовала правилам ни одной религии...

Честно говоря, Марго не слишком-то хотелось выходить за неотесанного гугенота. Когда священник задал сакраментальный вопрос о согласии невесты, она даже замешкалась. Но король Карл, который и понимал государственную необходимость брака, и изнывал от ревности к мужчине, который нынче ночью будет владеть его сестрой, решил сорвать злость на Маргарите и ударил ее кулаком по затылку. Едва не закричав от боли, она опустила голову, и священник счел сей жест за знак согласия...

На свадьбу съехалось множество протестантов, которые менее недели спустя, в Варфоломеевскую ночь, все до одного были убиты. И на следующий день после резни Карл IX с хохотом воскликнул:

– А неплохая... у моей толстой Марго. Черт побери, я думаю, второй такой во всем мире не сыщешь: она приманила всех моих мятежных гугенотов.

Ну что же, один из них, Генрих Наваррский, принужден был перейти в католичество, чтобы спасти жизнь, однако не стал менее мятежным. Он плел заговоры вместе с младшим братом Марго, Франсуа Алансонским. В одного из заговорщиков Марго и влюбилась со всем пылом своей неугомонной душеньки, весьма огорченной тем, что ей достался в супруги мужлан, Беарнец (так называли Генриха Наваррского).

Бонифас де Ла Моль числился среди фаворитов герцога Алансонского. Это был блестящий танцор на придворных балах и любимец всех дам. «Монсеньор герцог, в услужении у которого он находился, – рассказывает мемуарист Пьер де Л'Этуаль, – дарил его своей дружбой

и бесконечными милостями, в то время как королю он был ненавистен по причине некоторых своих особенностей, имеющих отношение скорее к миру любви, чем к миру войны, поскольку данный дворянин прослыл не столько поклонником Марса, сколько усерднейшим почитателем богини Венеры; к тому же он был очень суеверен, очень набожен и от частого посещения месс весь пропах ладаном (так, во всяком случае, говорили гугеноты). Он действительно не ограничивался ежедневным присутствием на мессе, но слушал их по три, а то и четыре в день, бывало и пять, и шесть раз, даже находясь в армии, – явление крайне редкое для людей этой профессии. Если верить слухам, то день, когда он не был на мессе, он считал проклятым днем. Остаток дня и ночь он обычно проводил в занятиях любовью, будучи глубоко убежден, что прослушанная с набожным рвением месса очищает от всех грехов и распутств, которые до сего совершались; знавший об этом его убеждении покойный король часто говорил со смехом, что «тем, кто пожелал бы вести учет развратных деяний де Ла Моля, достаточно сосчитать количество месс, на которых тот присутствовал».

Марго была точно такой же богобоязненной развратницей, как Ла Моль. Они оказались просто созданы друг для друга!

Однажды Ла Моль увидел Марго, одетую в платье из брокара с большим вырезом, позволявшим «видеть высокую и полную грудь, по которой обмирали все придворные», и, конечно, сразу в нее влюбился. Он совершенно потерял голову и внушил себе, что недостойн внимания красавицы, однако если усердно попросить Пресвятую Деву, то может повезти.

Теперь он целыми днями упорно перебирал четки, даже натер мозоль на указательном пальце. Но ему казалось, что Марго на него и не глядит. Тогда Ла Моль ударился в другую крайность и решил обратиться за помощью к нечистой силе. У королевы-матери служил знаменитый маг и лекарь по имени Козимо Руджиери. Его-то и умолил Ла Моль заняться приворотом королевы Марго.

Мэтр Руджиери вылепил из воска статуэтку, похожую на принцессу, надел ей на голову корону и, взяв виноградную косточку, уколол статуэтку в то место, где должно располагаться сердце. При этом он бормотал какие-то заклинания на древнееврейском...

Обретший уверенность Ла Моль на другой же день кинулся на колени перед Марго и объяснился ей в страстной любви. А между тем он совершенно напрасно тратил столько сил. Маргарита и сама давно заприметила красавца Бонифация и с нетерпением ждала, когда он сделает ей хотя бы малейший намек на свое желание.

И вот прозвучал даже не намек, а целый каскад намеков! Марго немедленно дала понять, что готова на все. Спустя час восторженные вопли, доносящиеся из ее покоев, дали всему двору понять, что у королевы Наваррской появился еще один любовник.

Она была потрясена силой его любви. Вспомнила, что о Ла Моле рассказывали, будто он любимчик самой Венеры, оттого и обладает столь непревзойденными мужскими качествами. Теперь Марго была готова верить, что так оно и есть...

Ла Моль был провансальцем, южанином, а значит, болтуном. Лежа в постели, он рассказывал Маргарите о заговоре, который замыслил Генрих Наваррский, и о той важной роли, которую в заговоре должны были сыграть он сам и один из его друзей по имени Коконас, любовник герцогини Неверской.

Маргарита, выслушав признание, ужаснулась. Любовь любовью, но ведь она из королевской семьи! Сестра короля правящего вовсе не желала оказаться сестрой короля свергнутого. И Марго немедленно сообщила о заговоре Екатерине Медичи.

Герцог Алансонский и король Наваррский были тут же посажены под домашний арест, королевская армия получила приказ выступить против мятежников.

Франсуа всерьез испугался за свою жизнь и бросился в ноги Екатерине. Он рыдал, просил прощения и уверял, что именно Ла Моль и Коконас являлись душой заговора. Генрих Наваррский вообще изобразил дело так, будто Ла Моль его оклеветал.

На Ла Моля и Коконаса пал гнев короля. Им и пришлось заплатить за всех, а больше всего – за любовь к двум принцессам.

В мае 1574 года на Гревской площади им отрубили головы. Тела их были четвертованы и вывешены на городских воротах. Однако наутро головы казненных исчезли.

А ведь дело в том, что герцогиня Неверская и Маргарита, которая понимала, что именно она фактически отправила Ла Моля на смерть, и чувствовала некоторые угрызения совести, послали одного из своих друзей, Жака д'Орадура, выкупить у палача головы казненных. Поцеловав их в охладевшие уста, дамы затем старательно уложили головы в ларцы и на другой день приказали их набальзамировать. Затем, по свидетельству историка, «они наполнили рот каждого убиенного драгоценными камнями, которые те дарили своим дамам при жизни, и обернули головы в свои самые роскошные юбки; потом все было залито свинцом и помещено в деревянные ящики. Наконец с помощью самодельных орудий женщины выкопали две ямы на Монмартре, ведь погибшие были мучениками, и захоронили головы».

Несколько дней Маргарита добросовестно старалась сохранять верность памяти драгоценной пропажи. Она даже носила на ворота своей блузки маленькую головку мертвеца в качестве памятки о любимом. А потом...

Понятно, что случилось потом. Маргарита осталась верна себе, а не памяти о мертвом любовнике.

Но не зря о Ла Моле поговаривали, будто он любимец Венеры. Кажется, богиня была возмущена тем, что красавец погиб из-за женщины, которую любил. И Марго с ужасом начала замечать, что ее чувствительность дала некую слабинку.

То есть с чувственностью все обстояло как надо: Марго по-прежнему была готова лечь в постель с первым встречным красавцем и не могла устоять перед зовом природы. Возбуждение нарастало, доводило ее почти до отчаяния, но... прежнего восторга Марго уже не испытывала. Там, где на нее прежде обрушивался водопад наслаждения, она ловила теперь только жалкие крохи. Вся ее жизнь превратилась отныне в погоню за наслаждением, и это было только первой мезью, которую уготовила ей разгневанная богиня.

Следующим любовником Марго стал молодой придворный по имени Сен-Люк. Он славился неистощимой мужской силой. Измучив его и измучившись сама, молодая королева познакомилась с красавцем, которого звали Шарль де Бальзак д'Антраг, и стала его любовницей.

Двор тогда находился в Лионе, где праздновал возвращение из Польши Генриха III. Король (Карл) умер, да здравствует король (Генрих)!

Он тоже начал ревновать сестру и решил призвать ее к порядку тем, что сообщил Генриху Наваррскому и о новом любовнике, и о прежнем... вернее, одном из прежних, а именно, о герцоге Анжуйском (данный титул перешел теперь к Франсуа Алансонскому). Король надеялся рассорить между собой руководителей недавнего заговора.

Однако Наваррец был прекрасно осведомлен о поведении своей жены, но ему было наплевать, ведь он и сам без зазрения совести предавался безудержному разврату.

Однако так или иначе слух о предательстве братца Генриха до Марго дошел и заставил ее стать чуть-чуть осторожней. Она совсем не хотела, чтобы ее отправили в монастырь! Несколько дней молодая королева вела себя очень разумно и совсем не смотрела на мужчин, чтобы избежать искушения. К тому же ее смущало то, что они не могут дать ей того, чего она так желает, – наслаждения.

Именно тогда дорогу ей перешел некто Луи Клермон д'Амбуаз, сеньор де Бюсси. Сей весьма элегантный молодой человек проводил все время на дуэлях или в объездах придворных дам. А еще, по словам современника, «у него был часослов, в котором он записывал истории знакомых ему незадачливых мужей, посвящая каждому хвалебный гимн».

Ему тоже всегда было мало наслаждения, поэтому отношения любовников свелись к безудержной похоти. И очень скоро они допустили неосторожность. Однажды вечером кто-то увидел их в тот момент, когда они совокуплялись прямо в одежде, стоя в дверях комнаты.

Общеизвестно, что взбешенный от ревности Генрих III призвал Наваррца:

– Твоя жена обманывает тебя с Бюсси!

Муж Марго лишь пожал плечами и ничего не ответил. Его это не волновало. Равнодушной осталась и матушка. Она еще и короля призвала к порядку:

– Не знаю, как клеветники подсовывают вам подобные фантазии, – возразила она строго. – Все несчастье моей дочери в том, что она живет в ужасное время. Во времена моей молодости мы свободно разговаривали с кем угодно, и все порядочные люди, сопровождавшие короля, вашего отца, спокойно заходили в спальню мадам Маргариты, вашей тети, и в мою; никто не находил в том ничего странного, потому ничего странного и не было. Бюсси видится с моей дочерью на глазах у вас и у ее мужа, в присутствии свиты ее мужа у себя в комнате, в присутствии всех, а вовсе не тайком, не за запертой дверью. Бюсси знатный человек и первый при вашем брате. Есть ли тут повод для подозрений?

Так оно и длилось до тех пор, пока Бюсси не влюбился во Франсуазу де Монсоро (да, ее звали именно Франсуазой, а вовсе не Дианой, как уверял нас почтенный господин Дюма!) и не пал жертвой ревности ее мужа и отчасти предательства герцога Анжуйского. Но это – совсем другая история!

Муж Марго оставался по-прежнему равнодушен к похождениям жены. Казалось, он совершенно поглощен своим романом с дамой из окружения королевы-матери, с грациозной мадам де Сов.

Однако Наваррец был большим хитрецом. Он спал с мадам де Сов, но мечтал о побеге из Парижа. И вот однажды он исчез, и в следующий раз парижанам суждено было увидеть Генриха только через двадцать лет...

Он тут же поспешил отречься от католической веры, в которую перешел исключительно ради спасения своей жизни. И сообщил при том, что «сожалеет лишь о двух вещах, оставленных в Париже: о мессе и о своей жене. Что касается первой, то он постарается без этого обойтись, а вот без второй не может, да и не хочет обходиться».

То был первый раз, когда он выразил беспокойство о Марго.

Беарнец написал супруге письмо, в котором извинялся, что покинул Лувр, не попрощавшись с ней, и поручил сеньору Дюрасу поехать за женой.

Но Генрих III отказался отпустить сестру, сказав, что та является самым лучшим украшением его двора и он не в силах расстаться с ней. Фактически же Марго стала пленницей. Она не имела права выйти из своей комнаты, у дверей день и ночь стояла стража, а все ее письма прочитывались.

Во всеуслышание брат обвинял сестру в организации побега Наваррца. В действительности же Генрих III подозревал, что Марго участвовала вместе с мужем в заговоре в пользу их брата Франсуа, герцога Анжуйского, и отчаянно к тому ревновал. Все-таки воспоминания юности были еще живы у членов этой семьи, которые были связаны не только кровными узами.

Ужасно страдая от вынужденного целомудрия, Марго пыталась скрасить свое заточение поэзией, древней литературой и музыкой, но Ронсар и Овидий оказались никудышными любовниками. К концу третьего месяца режима воздержания она превратилась в настоящую тигрицу, лишенную самца. «Пронзительное желание, сжигающее ее плоть, временами доводило ее до болей в пояснице, до невозможности сдержать какой-то нечеловеческий крик. Без сомнения, на том месте, где у нее рос пушок, – писал один современник, – можно было при желании сварить яйцо, настолько там было горячо и даже жарко».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.